

встречах с литературным кумиром — одна из излюбленных тем дилетантской поэзии. Этой теме, например, посвящены хранящиеся в архиве Державина стихотворения Анны Ермолаевой (Т. 28. Л. 109—110 об.), Аполлона Нестерова (Т. 30. Л. 156—157), Б. М. Федорова (Т. 31. Л. 93—93 об.).

Державин ответил на послание Злобина, и между ними установилась переписка. Получив одобрение Державина, Злобин сопровождал свои письма стихотворными текстами. В письме от 7 июля 1803 г. «из Теплых вод, близ Константиногорска» (Пятигорска) он сообщал, что чувствует «благотворительное влияние климата и целительных вод». Природа тех мест напомнила ему «басню о Медее и Пелее», где упоминается о целительных травах и о кипящей клочущей воде, в которую погружались люди, чтобы возродиться. Злобин выразил готовность присоединиться, по предложению Державина, к только что приехавшему в те края Н. А. Львову. Известно, что Львов был командирован на Кавказ «для устройства и описания разных необходимостей при тамошних теплых водах».¹⁷ Свои впечатления от новых мест Злобин выразил в стихотворной форме. Пышная неувядающая природа, древние величественные горы представляются ему свидетелями «младенчества людских родов». Его пером водит «воображение», важнейший компонент творчества писателей-сентименталистов. Оно рисует перед его мысленным взором пылающие «Везувьи», Медею, собирающую «жизнь с магических цветов», курящиеся хребты древних гор (РНБ. Ф. 247. Т. 28. Л. 128—131 об.). По-видимому, вскоре Злобин переработал и дополнил это стихотворение. Его новый вариант находится в архиве Державина среди корпуса из пяти стихотворений, имеющих помету в правом верхнем углу «с Кавказу». В стихотворении появляются темы «вечности» и «творчества». «Дела и звуки славы всей померкнут», вечной останется лишь поэзия:

Лишь ты, поэзия священна
Святою правдой воскрыленна
Превыше длани роковой...

Поэзия, по мнению Злобина, имеет голос настолько «сильный, громкий», что «урок», который она может преподнести, услышит и новый, «возродившийся» мир. И потому поэт Державин — «наперстник вечности священной» (РНБ. Ф. 247. Т. 28. Л. 58).

Стареющий Державин, порой осмеиваемый новыми властителями поэзии, в начале XIX в. продолжал существовать в эстетическом сознании многих читателей. К. Н. Батюшков, хорошо знавший поэзию Державина, часто цитировал ее и удивлялся, что существуют люди, «которые никогда не трепетали от восхищения при чте-

¹⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 783. Т. Лабзина—Ляшенко.